

КРИТИКА ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Источник: Горшенин А. Еще раз о странностях любви / А. Горшенин // Сибирские огни. – Новосибирск, 1979. – № 9. – С. 178–188.

Алексей Горшенин

ЕЩЕ РАЗ О СТРАННОСТЯХ ЛЮБВИ

Издавна человеческие взаимоотношения во многом определялись отношениями между мужчиной и женщиной. Оптимальным вариантом этих отношений является наивная, но в то же время исполненная глубокого смысла формула: $ОН+ОНА=$ Любовь. Впрочем, даже зная эту «формулу любви», ее можно решить (что и случается всякий раз, когда вновь и вновь затевается разговор о любви) только в локальном масштабе, то есть в данный период времени и в конкретных обстоятельствах, поскольку каждая эпоха, каждый исторический отрезок привносят в содержание любви свое понимание, зависящее от многих причин: изменение социальных условий, этических и эстетических представлений, психологического облика человека.

Скажем, «униженная и оскорбленная» любовь девятнадцатого века имела все основания главным своим врагом считать классовое и социальное неравенство, нередко приводившее высокое чувство к безысходности, подменяя его жестоко-иничным расчетом. И вывод, напрашивающийся отсюда, казалось бы, непреложен: исчезни бесправие, гнет, насилие над личностью, стань женщина полноценным гражданином общества, получи она уважение и свободу — наступит «золотой век» любви. Не отягощенные никакими сословными, социальными, расовыми, имущественными и другими предрассудками, отношения мужчины и женщины обретут, наконец, долгожданную гармонию.

Однако в наше благополучное, очищенное от прежних для любви преград время, мы все чаще вынуждены говорить об «обмелении, девальвации любви», а социология и демография — констатировать неуклонно снижающуюся прочность семейных связей.

Советская литература чутко уловила этот парадокс.

Мы не беремся обозреть весь поток любовной прозы последних лет. Ограни-

чимся лишь несколькими произведениями, которые, на наш взгляд, дают материал для размышления по поводу того, какими путями в современном мире развиваются отношения между мужчиной и женщиной.

Любовь безответная и любовь безответственная

Едва ли не самой животрепещущей темой искусства во все времена была тема безответной любви. Нынче она в тени и не потому, что ее вовсе нет или она не модна. Просто современность требует другого разговора, о других проблемах любви, и прежде всего об ответственности в отношениях двоих.

В той или иной форме вопрос этот стоит давно, но если еще лет пять назад адюльтер нередко полностью подменял подлинные чувства и это выдавалось за современную «свободную» любовь без всяких оговорок со стороны авторов произведений, то нынче здесь наметился определенный сдвиг.

Повести Н. Верещагина «Приключение», С. Крутилина «Мастерская в глухом переулке» и В. Сукачева «На маленьком забытом полустанке» сходны и основными сюжетными линиями, и образами главных героев, и ситуациями, в которых те оказываются.

Сергей из повести «Приключение» — молодой ученый, занимающийся прикладной математикой. «Красивый, статный, общительный, он нравился женщинам, умел сблизиться с ними, легко расставаться. Он не был каким-то донжуаном, неугомонным ловеласом, нет, он не стремился к количеству, и очередная связь иногда длилась полгода или год, но постепенно он привык к разнообразию, и ему уже странно было представить, как это можно жить с одной

и той же женщиной год за годом, всю жизнь».

Деловит, остроумен, современен и Сергей Карелин («На маленьком забытом полустанке»). Он не менее рьяно выступает против однообразия решительно во всем. «У меня никогда не было особо сильных увлечений», — признается Карелин. Никогда ни над чем, по его выражению, он не «трепетал».

Едва ли «трепетал» над чем-нибудь Игорь Кудинов из повести С. Крутилина. Он художник, но нет в нем живой страсти, всепоглощающего огня. Даже цвет на его пейзажах преимущественно серый.

У всех троих случается похожее любовное «приключение». Разница только в месте действия и некоторых деталях. Карелин встречается с Милей в крохотной гостиничке леспромхоза, Сергей из повести Верещагина знакомится с Ниной прямо в сутолоке московских улиц, а Кудинов — с Эльвирой в доме отдыха, куда он приезжает на этюды.

Но нас интересует не сюжетное сходство, а отношение каждого из этой троицы к своему «приключению».

Поначалу все трое как будто безоглядно увлечены своими «незнакомками». Даже инертный Кудинов, не умеющий так легко и просто сближаться с женщинами, как герои Сукачева и Верещагина. Но когда дело доходит до решительного шага, когда твердо надо сделать выбор, они пасуют, поворачивают вспять, топчась собственное, только что разгоревшееся чувство. Мотивы, правда, у каждого свои.

Кудинов боится потерять мнимую свободу, необходимую ему как художнику, «олимпийцу», силу ю таланта возвышающемуся над толпой смертных.

Верещагинский Сергей озабочен сугубо практическими соображениями: «Он не всерьез, а так, теоретически подумал: а что, если жениться на Нине? Не будет одиночества — это хорошо, красивая жена — это тоже хорошо; но ведь она приведет дочку, их будет трое в однокомнатной квартире — тесно, крик, шум. Бесконечные семейные заботы, немалые лишения, ссоры...» Тут даже можно было бы и посочувствовать Сергею: трезво оценивает будущую семейную жизнь, серьезно к ней готовится, — если б не дальнейший ход его мыслей: «...жениться — и тогда это не будет приключением и не будет других приключений. Что лучше: жить от приключения к приключению или жить вовсе без приключений? И та жизнь бедна, и эта...»

Ну, а Карелин, столкнувшись с гордой любовью глухонемой девушки, презирающей всякую жалость к себе, вдруг начинает понимать, что он не умеет любить.

И каждый из них вслед за Карелиным мог бы сознаться в том же самом. Зная женщин, постоянно меняя свои привязанности, они тем не менее не знают любви как высокого и яркого чувства, не знают потому, что людям с душевной глухотой этого не дано.

Но с чего это вдруг мы решили, что наши герои страдают таким пороком? Все

они очень приличные, обаятельные молодые люди. И чувства с подобающей любовью пылкостью они умеют проявить, и вполне достаеца их избранницам сердечного тепла, нежности и ласки.

Все так. Но их блеск, и обаяние, и добрые чувства проявляются только до той поры, пока не встает вопрос об обязательствах, об ответственности перед женщиной. Тут сразу же у наших героев начинается паника, они глохнут и слышат только свои эгоистичные позывы. Выступая против однообразия в любви, они по сути за самый примитивный стандарт «с легким разнообразием (блондинка — брюнетка, полненькая — худенькая, страстная — нежная и т. д.)», за пределы которого, когда увлечение перешагивает рамки простой чувственности, они выйти не в состоянии.

Белинский называл таких людей «страдающими эгоистами». Он писал: «Эти люди часто доходят до страсти к добрым действиям, до самоотвержения в пользу ближних; но беда в том, что они в добре хотят искать то счастья, то развлечения, тогда как в добре следовало бы искать только добро. Если подобные люди живут в обществе, представляющем полную возможность для каждого из его членов стремиться своею деятельностью к осуществлению идеала истины и блага, — о них без запинки можно сказать, что суетность и мелкое самолюбие, заглушив в них добрые элементы, сделали их эгоистами».

Мы далеки от мысли прямо отождествлять наших героев с «лишними людьми» девятнадцатого столетия, о которых и шла речь в приведенной выше цитате. Однако, судя по авторским рекомендациям, и Кудинов, и оба Сергея мало на что способны и в общественной жизни.

Верещагинский Сергей любит и умеет работать, но полной отдачей от него можно ждать только в случае, если дело, которым он занимается, имеет стопроцентную гарантию.

Не бежит от работы и Кудинов. Трудится, как вол, пишет все подряд: сталеваров, колхозниц, рыбаков, стога сена... Но идейного стержня, собственной позиции у него нет. Он аморфен, боится людей, жизни. Художник же, как известно, обязан жить интересами общества, слышать его душу, но для этого необходимо уметь слышать душу и сердце отдельного человека, особенно близкого тебе человека.

Связь с «лишними людьми», как ни пытались бы мы от нее отмахнуться, у наших героев существует. На эту связь как раз и указывает любовь без чувства ответственности. Однако данное обстоятельство скорее следует рассматривать как неискоренный пережиток, идеологическую или воспитательную недоработку общества, нежели как некую историческую преюбельность.

Чернышевский, разбирая повесть Тургенева «Ася», сделал одно принципиально важное замечание: «В том и состоит грустный комизм отношений нашего Ромео к Асе, что наш Ромео — действительно один из лучших людей нашего общества, что

лучше его почти и не бывает людей у нас».

Мы же ни Сергея Карелина, ни Игоря Кудинова, ни героя Верещагина назвать «одним из лучших людей нашего общества» не можем, ибо не они в конечном счете определяют лицо поколения и тем более лицо целого общества. Но осознаний для того, чтобы разделить тревогу авторов «Приключения», «Мастерской в глухом переулке», «На маленьком забытом полустанке», — предостаточно: герои этих повестей не выдуманы, они наблюдаемы в жизни и являются далеко не редким исключением.

Возможно, сама ситуация, взятая авторами этих повестей, покажется слишком банальной, но подкупает серьезность всех троих авторов в подходе к теме, четкость и недвусмысленность позиции. Ни тени умиления похождениями своих героев. Зато отчетливо пробивается мысль: любовь, приходя к человеку, непременно меняет его, делая, в зависимости от отношения к ней, или счастливым, или несчастным. Оба Сергея и Кудинова остались несчастными, когда легким удовольствиям пришел конец, а за подлинное счастье они не хотели, да и не умели бороться. Поправ любовь, они начали нравственно деградировать.

И настойчиво (особенно у В. Сукачев) начинает звучать тоска по высокой любви, ее первозданной чистоте и поэзии. Нагляднее всего проявляется это в ретроспективных параллелях повести «На маленьком забытом полустанке». Взаимоотношения Мили и Карелина оттеняются историей другой любви — молоденького солдата Аркаши (ныне ответственного работника края) и медсестры Людвиги. В отличие от Карелина; испугавшегося, что он не сможет сохранить любовь, Аркадий Васильевич тончайший аромат первой любви пронес через всю жизнь. Каждый из этих героев олицетворяет не только разных людей, разные поколения, но и разные взгляды на любовь, разную меру ответственности за свои поступки.

К сожалению, давая чисто обстоятельное объяснение морального превосходства одного героя над другим, В. Сукачев заведомо ставит их в неравное положение. Характер и чувства Аркадия Васильевича испытываются на пределе душевных сил, «потому что каждый человек и каждое событие той поры готовили эту любовь». Рядом со смертью еще прекраснее казалась жизнь, страдания порождали ненависть, но и она была во имя любви». Карелину же в условиях спокойного течения времени труднее разобраться в себе. Так, может, не стоило делать противопоставления по известному, но сомнительному принципу — «вот раньше было»? Однако противопоставление это, при всей его прямолинейности, невольно наталкивает читателя на мысль, что в условиях спокойного бытия у человека порой притупляется острота большого чувства. «Неужели любовь требует разлуки? Неужели только в этом случае и сохраняется она?» — спрашивает Аркадий Васильевич. Или, говоря иначе,

неужели только потрясение рождает полноценную любовь?

Любопытна не сама постановка вопроса, ибо сочетание — любовь и потрясение — вечно, как жизнь. Любопытен этот нюанс «неужели», который, вероятно, в другие времена, когда мир и покой был редкостью, вообще не имел бы реальной почвы.

Плюс эмансипация

Итак, безответственность губит любовь. Но куда как просто, если бы дело ограничивалось только этим. Тогда, наверное, было бы достаточно сосредоточить внимание общества на воспитании этой самой ответственности.

Но вот героев повестей В. Тендрякова «Затмение» и В. Липатова «Повесть без сюжета, начала и конца» в безответственности не упрекнешь. Тем не менее их личная жизнь тоже не удалась.

Нина Александровна Савицкая («Повесть без сюжета, начала и конца») как будто бы совсем не похожа на Майю («Затмение»). Расчетливая, «умная, образованная, злая, мудрая», Нина Александровна вроде бы никак не «стыкуется» с порывистой, эмоциональной, несколько экзальтированной Майей.

Майя гораздо моложе Савицкой, не обладает ее жизненным опытом и в начале своего пути руководствуется только страстями, нередко плохо согласующимися со здравым смыслом.

Нина Александровна, напротив, менее всего подчиняется страстям, более доверяя своему рационализму. Она очень современная, деловая, расчетливая, предельно эмансипированная женщина. Всегда подтянута, собранная, умеет подать себя, прекрасно владеет собой.

Майя чужда поэзии. Впрочем, ей этого и не требуется. Природа наградила ее красотой, грацией, женственностью. Она из тех, про кого говорят: хоть мешок надень — все равно к лицу.

Разное у этих двух женщин и отношение к любви. «Что еще? Да. Мы, кажется, любим друг друга». Никогда бы Майя не смогла произнести такую фразу, а Савицкая, чьи слова приведены выше, говорит об этом спокойно, мимоходом, в числе прочих обстоятельств, упоминая о семейной жизни с новым мужем Сергеем Вадимовичем. И здесь нет ничего удивительного. Если для Павла Крохалева и Майи брак — результат чувственного порыва, то Нина Александровна и Сергей Вадимович соединяются, все взвесив и тщательно обдумав.

«Жители поселка, досконально знающие друг друга, вскоре обратили внимание на то, что Сергею Вадимовичу и Нине Александровне под сорок, что они остались в одиночестве и что механику сплавной которы лучшей жены не найти...»

Словом, их свели, познакомили... Конечно, подобное сводничество выглядит довольно безнравственно, но, с другой сто-

роны, прочность брака зависит вовсе не оттого, каким образом супруги смогли узнать друг друга.

Беда в другом. Строя свои отношения с полной ответственностью и серьезностью, Нина Александровна и Сергей Вадимович переживают ту же трудность, что и сошедшие по пылкой любви Майя и Павел, решают тот же большой вопрос, что и герои Верещагина, Сукачева, Крутилина: как в единое гармоническое целое уложить эмоциональное и рациональное,— порыв, страсть и трезвый расчет?

Собственно говоря, это сейчас один из больших вопросов, чему свидетельство постоянное увеличение числа разводов и семейных драм.

Ученые считают, что ослабление семьи как социальной ячейки общества происходит оттого, что начинается «переход от одной модели семьи и брачно-семейных отношений вообще к другой. Патриархальная семья с ярко выраженным главенством мужа заменяется «биархатной» с равенством мужа и жены. Причем, равенством не формальным, а во всех сферах бытовой, производственной и духовной жизни» (В. Переведенцев).

Еще не очень давно, в прозе 60-х годов, наблюдалась такая картина:

«В большинстве ситуаций, возникающих на страницах журналов, персонажи-мужчины наделены профессиональной ролью, с которой они в значительной степени справляются. Женщины-героини как бы лишены этой роли... им предоставлены роли возлюбленных, матерей, хозяек»¹.

Уже тогда данный стереотип мало соответствовал истинному положению дел. Отрадно заметить, что в последние годы литература начинает решительно пересматривать свои позиции.

Героини взятых нами произведений прежде всего отличаются тем, что никак не мыслят себя замкнутыми только семейным кругом.

Нина Александровна — очень известная в своем поселке личность. Она отличный преподаватель математики, депутат райсовета, общественница.

По молодости лет и менее активной деловитости внешне связи Майи скромнее, но и ее жизнь отнюдь не ограничивается кухней. Кстати, от кухонных забот и Липатов, и Тендряков постарались освободить своих героинь. Оба автора задались целью исследовать духовную надстройку семейных отношений в «чистом» виде. Возможно, сделано это несколько преждевременно, поскольку бытовая, «кухонная» сторона брака не отмерла и долго еще будет играть весьма активную роль. Но придет время, когда роль эта сведется к нулю и при постоянном прочном материальном фундаменте исключительно важно будет знать, что будет определять тогда супружескую жизнь. Общие интересы, развлечения, сходство вкусов, умение не надоедать друг другу в длительном совместном

существовании?.. Да, все это, несомненно, важно, но главное ли это?

Известный советский специалист в области семьи и брака Ю. Рюриков в статье «Любовь: ступени культуры» пишет:

«Рождается совершенно новый психологический фундамент брака: теперь это не просто влечение чувств, как раньше, а многогранная индивидуальная совместимость жены и мужа: совместимость чувств, характеров, темпераментов, совместимость идеалов, взглядов, совместимость привычек поведения».

И, видимо, не напрасны опасения Нины Александровны, когда она говорит: «Больше всего боюсь опуститься до мешанства, когда будет удовлетворять работа «абы день прошел», семья с едой и тряпками и содержательные сплетни о знакомых».

Стандартный семейный уют, который с таким восторгом принял ее муж, не устраивает и Майю.

«И я стоял, пораженный этим разлитым по знакомым вещам покоем, стоял и наслаждался. Вот через это пройдет моя жизнь. Она будет, конечно, обременена заботами, суетой, часто дерганная и нервная. И ты станешь временами уставать от нее, но каждый вечер приходишь сюда, в эту нехитрую гармонию бра, тахты, стола с креслом и коврика на полу и обретать силы. И здесь всегда тебя будет ждать она, создательница гармонии, творец покоя. Что еще надо? Можно ли желать большего? Вот оно, оказывается, как выглядит человеческое счастье!»

Слишком поспешно Павел Крохалев принял гармонию вещей за гармонию семейного счастья. Сказалось, конечно, не только постоянная неустраиваемость Павла, но и традиционное представление о семейном благе, как домашнем уюте, а о жене, как хранительнице семейного очага.

Однако такая идиллия вовсе не устраивает Майю. Гармония вещей ее не обманывает. От семейного счастья она ожидает чего-то большего. Майе нужен простор высоких чайний, истоки которых начинались бы здесь, в семье. Да и любовь для Майи — в какой-то мере тоже движение к возвышенной цели.

И Нина Александровна считает, что необходимо «добиться именно этого счастья — счастья творчества, достигнутой цели». Дело только в том, что само это стремление так и повисает в воздухе, ибо не подкрепляется конкретным содержанием цели. Слишком уж смутно то, о чем мечтают Майя и Нина Александровна. «А я,— сознается Майя (и с ней может целиком согласиться Савицкая),— двадцать один год мельтешу на свете и все еще не знаю, на что пригодна. Одни какие-то желания, в которых и сама не разберусь».

В этом отношении намного определеннее Павел Крохалев, который совершенно уверен, что он «родился двадцать девять лет тому назад в деревне Полянка для того только, чтобы проявить себя ради других, а, значит, кого-то любить».

Павел действительно ищет и находит свою любовь, Да и работа, которой он за-

¹ В. Канторович. Слово, проверенное цифрой. «Вопросы литературы», 1978, № 10.

нимаемая и которой очень дорожит, есть тоже проявление любви — к людям, человечеству.

Так, может быть, смысл любви в том как раз, чтобы «пределно проявить себя ради других»? В таком понимании любовь выходит за рамки обычного парного контакта разнополюсных существ. И, пожалуй, только такое понимание взаимоотношений мужчины и женщины переводит любовь из субстанции физической в субстанцию духовную.

Казалось бы, Майя и Павел должны являть собой единство семейной гармонии. Пусть нет у Майи собственной конкретной цели, зато есть она у мужа, талантливого ученого, а ей, жене, выпадает почетная и важная миссия быть, по ее словам, «западом взрывающей силы».

История знает немало примеров, когда женщина вдохновляла мужчину на великие дела, делила с супругом самую горькую его судьбу, шла вслед на каторгу и эшафот. Один из таких примеров — подвиг жен декабристов, по которому автор «Повести без сюжета...» сверяет современные семейные отношения. И в равнении на этот эталон мы глубоко сомневаемся: вряд ли женщины, подобные Майе и Нине Александровне, могли приблизиться к таким глубоко цельным и сильным натурам, как жены декабристов.

Один из персонажей романа В. Липатова замечает, что «большинство жен сосланных перед мужьями в три погибели гнулись, а не подсчитывали, кто сильнее, да умнее — муж или жена».

В полной мере слова эти адресованы Нине Александровне, постоянно анализирующей свои и чужие поступки, оценивающей тот эффект, который она производит на окружающих. Заботе о престиже своей личности подчинено у нее все до последней мелочи. Все должно быть на уровне «мировых стандартов».

Этому во многом подчинена и стилистика романа: подробное описание мельчайших деталей внешности, быта, постоянные сравнения с образцами иллюстрированных журналов, рекламных проспектов, на которых изображены стандартные красавицы и красавцы, упоминание названий иностранных вещей, которыми пользуются герои, и т. д.

Читателя, привыкшего к добротной художественной изобразительности, такая откровенно публицистическая характеристика действующих лиц раздражает и наводит на мысль, что автору попросту не хватает мастерства, чтобы справиться с материалом. Однако в итоге, умело пользуясь унифицированными литературными заготовками, В. Липатов достигает цели: читатель видит образ именно таким, каким желает его видеть сам писатель.

А он вычерчивает следующую схему духовного становления Нины Александровны. Решив жить «интенсивной внутренней жизнью», Нина Савицкая не теряет времени даром. В Москве, куда приезжает учиться, она посещает театры, концертные залы, музеи, самостоятельно изучает английский,

чтобы в подлиннике читать зарубежных классиков, берет уроки музыки... В общем, впитывает культуру, словно губка. А в итоге оказывается, что накопленный запас некуда девать. С «дурой Зиминой», учительницей английского языка, и разговаривать противно, фортепьяно в кварту Савицких не входит, да и не до музыкальных упражнений Нине Александровне; а из всей массы книг, которые она глотала когда-то с горячностью студента-филолога в предсессионный период, остался только «Бравый солдат Швейк».

Искусственное накопление эрудиции, трата сил на постоянное стремление сравняться с мужчиной — «кто сильнее да умнее» — приводит к тому, что Нина Александровна постепенно теряет себя как женщина.

Глядя на свою малообразованную, недалекую домработницу Веронику, Нина Александровна никак не может взять в толк, отчего у этой толстомясой девицы столько поклонников, причем безо всяких на то усилий с ее стороны? А все очень просто. В Веронике изначально женское естество не прячется, как у Савицкой, за плотным занавесом эгоизма и самонимия.

Гипертрофированное стремление к независимости и самоутверждению задавило в Нине Александровне простые человеческие чувства, вызывая неожиданные сложности в самых пустяковых вопросах, если они хоть как-то задевают ее независимость. Нина Александровна, например, хорошо понимает — надо обходить вернувшегося с работы смертельно усталого Сергея Вадимовича, но мгновенно срывает предохранитель, ограждающий ее независимость. «Почему, — спросила себя Нина Александровна, — почему я должна... подавать ему котлеты, если я сама сегодня дала четыре урока, посетила четыре ученических дома и проверила тетради двух классов?»

Нина Александровна сознательно ставит обожающего ее Сергея Вадимовича ниже себя, давит на него своим «превосходством». Она искренне считает себя человеком более высокого сорта, уверена в своей исключительности, что проявляется даже в незначительных деталях ее поведения. «— Ты бы видела себя со стороны, когда несешь кофе, — сказал он (Сергей Вадимович. — А. Г.). — Ты вся кричишь: «А я вот тебе кофе несусь. Смотрите сама несусь, не боялась унижения, сама несусь для тебя кофе».

Напротив, Майя В. Тендрякова обладает тонкой чувствительностью, женственностью и добротой. Но качества эти слишком субъективны и избирательны. Да, Майя способна на жертвы и лишения, готова ради любимого пойти наперекор общественному мнению, она согрета теплом и участием, не только того, от кого она может ожидать немедленного результата на пути к великой цели. И горе ее избраннику, если цель окажется мелочью или перестанет соответствовать Майиным ожиданиям. Ее безудержный максимализм не знает пощады. Обычную профессиональную сдержанность Павла в оценке первых своих результатов Майя

считает предательством и... предает сама — бросает Крохалева в трудную для него минуту.

Наполнено нравственным максимализмом, нетерпимостью и ее постоянное желание полезности:

«— Что сделать? Подскажи! Как вернуть тебя? На все готов!

Ее губы горько скривились.

— Стань больным.

— Больным?

— Да, лежачим, беспомощным, неспособным подняться».

И если Майин максимализм подвергнуть проверке высокими нравственными образцами, тем же, скажем, подвигом жен декабристов, то вот что окажется.

Жены декабристов отправились за мужьями в Сибирь вовсе не потому, что, как и их мужья, были фанатиками идеи. Конечно же, в дело освобождения народа они свято верили, но верили скорее потому, что это было дело их мужей и они, как истинно русские женщины, любили, понимали и принимали все то, что было связано с их мужьями, и меньше всего думали о самоутверждении и какой-то призрачной независимости. Не было у них и тщеславного желания обогреться в лучах чужой славы. Но зато обладали они огромным мужеством, неиссякаемым терпением, верностью и верой в будущее. Они могли и не понимать до конца, за что боролись и за что поплатились их мужья, но любовь, женское чутье подсказывало им, что это было необходимо и что так же необходимы будут они там, в глухой Сибири.

В Майиной же «жертвенности» ничего, кроме эгоцентризма, не проявилось.

На первый взгляд, в Гоше Чугунове, к которому она уходит, присутствует то самое сочетание двух крайностей, так необходимых Майе: заряженность великой идеей и жизненная беззащитность, неустойчивость. Есть где развернуться Майе, показать свои способности «запала» и ангела-хранителя! Однако, будучи в плену собственных иллюзий, она не хочет замечать, что обе ипостаси Чугунова насквозь фальшивы. Его новое вероучение — ложь, и сам он как проповедник не вызывает никакого уважения, потому что он никакой не борец за веру, а идейный спекулянт, который использует религию, как средство удовлетворения своего «бешеного тщеславия». И в быту не такой уж Гоша несчастный. Нет у него постоянного крова, денег, он как будто бы и не нуждается в них, но все это поза. Чугунов — элементарный туеядец, паразит, уверенный, что общество обязано давать все, что он захочет. И Гоша берет, умело используя определенные несовершенства общественного устройства.

Одна из учениц Нины Александровны назвала свою учительницу «кошкой, гуляющей сама по себе» (по ассоциации с названием известной сказки Р. Киплингга). Девушка, вероятно, имела в прежде всего в виду независимость Нины Александровны, так прельстившую ее. Нам же смысл, вложенный в эту фразу, кажется куда более глубоким и небезобидным. Увы, не просто

независимость, а нечто более пугающее в современных интимно-семейных отношениях — свобода без осознанной необходимости.

Итак, что из себя представляют Майя и Нина Александровна, мы уяснили. Обратимся к мужской половине героев В. Липатова и В. Тендрякова. И здесь придется говорить не только конкретно о Павле Крохалева или Сергее Вадимовиче, но и вообще о мужчинах, противостоящих эмансипированным женщинам, точнее — состоящих при них, ибо, как ни парадоксально, в соседстве с такими женщинами слабым полом оказываются мужчины.

Данному парадоксу существует научное обоснование: идет, мол, всемирный процесс «феминизации мужчин» и «маскулинизации женщин». Роли мужчины и женщины от этого, конечно, не меняются, но во многом сближаются. В общественной жизни, например, нынче почти не существует четких мужских и женских функций, как это наблюдалось раньше.

С точки зрения демографа, «в центре нынешних семейных противоречий стоит процесс перехода от равноправия полов к их равенству во всех сферах жизни» (В. Переведенцев). Болезненность этого перехода проявляется в том, что женщина зачастую не умеет установить необходимой внутренней грани в своем стремлении не отстать от мужчины, превзойти его по всем статьям. Отдадим дань справедливости, сам мужчина прежде всего провоцирует подобную линию женского поведения: столкнувшись с нетрадиционным представлением о женской индивидуальности, он терзается.

Сергей Вадимович откровенно боится своей жены, боится ее ума, решительности, деловитости, холодной расчетливости — иначе говоря, боится и не приемлет как раз ее «мужские» достоинства. Те самые, которые с таким трудом и упорством приобретались Савицкой и которыми она так гордится. Ну, а Сергей Вадимович предпочитал бы видеть в жене просто женщину, не желая семейную жрицу, требующую безвозмездных жертв. Что-либо изменить в их с Ниной Александровной отношениях Сергей Вадимович не в силах. Волевой, энергичный инженер, он дома превращается в тряпку, оправдывая свою мягкотелость любовью.

Павел Крохалев делает из Майи божество. И совершает большую ошибку. Его божеству самому нужен идол. Несмотря ни на что, женщина хочет видеть в мужчине главными его достоинствами силу и волю.

Павел Крохалев начинает терпеть поражение тогда, когда буквально следует совету своего учителя профессора Лобанова — «соперничайте друг перед другом в уступках». Павел уступает жене в любой мелочи, но, постоянно уступая, неожиданно теряет себя в ее глазах как мужчина, чье слово — закон в семье. Вспомним свадебное путешествие этой молодой четы, Павел исполняет все капризы Майи, но вместо благодарности слышит раздраженно-злое, почти враждебное: «...Не мужчина, а мальчишка! За бабьим подолом послушно таскается!».

Такое же ощущение возникает и у Нины Александровны при виде всегда покорного Сергея Вадимовича. И странное ее желание получить от мужа пощечин не кажется таким уж странным. Разумеется, умильное желание мордобития от руки любимого — своего рода метафора. Женщина (в данном случае — Нина Александровна Савицкая) начинает тяготиться новой, не свойственной ей ролью, которая становится для нее непосильной. Став на одну доску с мужчиной «во всех сферах жизни», женщина словно теряет право на облегчающее чувство собственной слабости. С другой стороны, и мужчина перестает относиться к женщине как к более слабому, нуждающемуся в его помощи и защите, существу.

Более того, перед мужчиной нынче встает странная на первый взгляд задача — не унижаться перед любимой, смочь быть в ее глазах большим и сильным.

Мы подчеркиваем — «странная», потому что еще несколько десятилетий назад такой задачи не существовало вовсе. Иначе не могло и быть: любимый просто не имел права выглядеть по-другому. Сейчас кажется диким, что из-за женщин дрались на дуэлях, защищали право на любимую в боях любого ранга: от уличной потасовки до кровопролитной войны во славу Прекрасной Елены... В наше же время путь любовных отношений от исходной точки до завершающей стадии предельно прост.

«...Никаких препятствий, никто не вставал между нами на пути,— говорит Павел Крохалев,— ни зависть, ни злоба не были нам помехой! Сказочный Черномор не уносил тебя за тридевять земель, ни денежно-корыстные расчеты, ни суетные сословные предрассудки, не было ничего такого, от чего страдали влюбленные в романах прошлого века... Свободно и просто нашли друг друга, соединились...»

Эта-то легкость и беспрепятственность приводит к тому, что теряется прочность, цельность любви. Не встречая препятствий, любовь или мелеет, как река, у которой бездумно вырублены лесистые берега, или покрывается болотной ряской мещанства. Абсолютно безболезненное соединение двух любящих существ лишает любовь романтического ореола и в какой-то степени дискредитирует самую суть этого чувства. Чем труднее борьба за любовь, тем выше ее цена и значительней ответственность.

Чем, как не легкостью, с какой они получают своих подруг, объясняется дальнейшее к ним предательство героев Крутилина, Верещагина и Сукачева? Чаще всего беспрепятственность и рождает безответственность.

С одной стороны, корни такой беспрепятственности все в той же «маскулинизации и феминизации», а с другой — в самом процессе формирования личности.

«— ...Мне почему-то кажется, что мое поколение самую малость ущербно. ...Мы родились в конце войны. Словом положенное количество мерзлой картошки и жыбжа, переболев рахитом и корью, мы с необычайной жадностью набросились на сладости.

И нам их давали. Давали потому, что мы-де пострадали с детства и вроде бы этим заслужили любое количество сладостей. И мы переели. Нас начало тошнить». Так объясняет теневые стороны своего характера Сергей Карелин из повести В. Сукачева. Что ж, резон в том, что незаслуженное благополучие приводит к инфантильности, сказывающейся и на отношении к любви, есть. Однако, как показывает жизненная практика, безнравственность в интимных отношениях может и не являться следствием гипертрофированного чадолюбия. Нина Александровна, к примеру, воспитана была почти в «спартанском» духе.

«...Ее мать, переменьшая трех мужей, последовательно осуществляла, как она выражалась, идею свободного воспитания единственной дочери. Так что с восьми-девяти лет Нине разрешалось ходить одной по небольшому городу Сельцо, куда они к этому времени переехали, купаться в тех местах Оби, где ей вздумается, дружить с любимыми девчонками и мальчишками, с конца мая ходить босиком, есть все, что попадется, пить некипяченую воду и по-мальчишечьи коротко стричь волосы».

Максимум навыков, стойкости, энергии. Ничего лишнего, ничего такого, что бы мешало воспитанию «сильной» женщины. В результате чисто женские качества, которые мы любим называть материнскими, в Нине Александровне проявлены слабо.

Эти качества в Майе проступают отчетливее, но, как и у Савицкой, они, в конечном счете, прагматичны. Отсюда их зыбкость. Майя родилась и выросла без всяких педагогических экспериментов со стороны родителей. Не было и культа вещей. Зато витал культ дочери. Майя признается: «Павел... Плохо, когда с детства веришь, что чем-то лучше других, необыкновеннее. А я, кажется, родилась с этой мыслью».

Павлу Крохалеву никто не навязывал искусственного спартанства и не лелеял в нем чувства особенной своей значимости. Вырос Павел в обычной крестьянской семье. Нелегким было детство. Непросто складывалась жизнь Павла. Постоянный труд, никакого материального благополучия. Все, как говорится, собственным горбом. И отношение к таким понятиям, как любовь и семья, серьезно и основательно. Из Крохалевых выходят надежные отцы семейств. Но отчего тогда не вышло у него счастье с Майей? Он же мечтал о ней, единственной, ждал? Она пришла, они полюбили друг друга, и вот...

«Будущее вдруг ринулось навстречу и застало меня врасплох».

В этой фразе ключ ко многим семейным драмам. Подтверждение данной мысли мы найдем и у Ю. Рюрикова. «Нас никто не готовит к искусству семейной жизни, никто не учит, как сохранить любовь», — утверждает он. И еще одно интересное замечание: «Пожалуй, человеку-личности гораздо труднее сохранить любовь, чем полюбить... И сохранить любовь — значит, видимо, не просто сберечь ее, сделать нотой в аккорде, взвеном в многозвучной совместности. Для человека-личности уберечь любовь —

значит вдобавок к ней приобрести совместимость...»

Но ведь Павел Крохалев готов был встретить свою любовь, готов был на все ради нее. Да, но, говоря языком военных, вооруженная оснащенность его при этом оставляла желать лучшего. Его готовность основывалась на устаревшем представлении о семейном счастье и не соответствовала только что народившимся отношениям. Представление это было так же анахронично, как и дедовский обычай родной деревни Павла: уходя из деревни, парень срубал елочку, украшал ее и укреплял на коньке невестинного дома в знак верности, в знак того, что он еще вернется. Совсем юным парнишкой, уходя учиться в институт, и Павел наряжал елочку. Но его мальчишеская любовь очень скоро вышла замуж, да и Павел стал отрезанным от деревни ломтем. Впрочем, таким ли уж отрезанным?

Стремление к уютному семейному гнезду заложено в Павле чуть не с детства. Само по себе в этом нет ничего плохого. Но времена меняются, и просто создавать семейный уют, просто продолжать род — не все еще счастье. Семейные отношения, все более освобождаясь от необходимости добывания хлеба насущного (что, кстати, когда-то прочно цементировало патриархальную семью), становятся гибче, подвижнее, трудноуправляемее. То, что когда-то казалось непреложным и естественным — муж занимается своими мужскими делами и не терпит вмешательства в них женщины, — нынче уже неприемлемо, поскольку исчезло деление труда на мужской и женский.

Не сразу поймет Крохалев, что, отстраняя Майю от своих дел и научных интересов, он собственными руками возводит стену непонимания и отчуждения. Майнина любовь придает Павлу силы в его нелегком научном поиске, он «готов опрокинуть горы, сорвать луну с неба, открыть живую воду». Но Павел во вред себе оставляет в тени всю сложность и кропотливость своего труда, всю его черновую изнанку, предпочитая живописать будущий эффект, чем невольно толкает падкую на все значительное Майю на ожидание немедленного впечатляющего результата.

Гоша Чугунов с такой легкостью перемаживает Майю в свой стан как раз потому, что предлагает роль участника, а не зрителя в своем религиозном спектакле. И Гоша прав, когда говорит, что «миллионы людей — миллионы вер!» Надо уметь постичь веру другого человека, проникнуться ею, принять или обратиться в свою. Павел не сумел разобраться, во что верует Майя, и поплатился за это.

Критик А. Панков в статье «Современник на randevу» («Новый мир», 1978, № 6) пишет: «Это бросается в глаза: в семейном ли кругу, на свидании ли герои томятся по соучастию души». Принимая термин «соучастие», мы можем сказать, что в данном случае Майя не встретила должного «соучастия» у Павла.

Было бы, впрочем, заблуждением «соучастие» отождествлять с обыкновением вни-

манием, заботой по отношению к жене (возлюбленной). Все без исключения герои рассматриваемых нами произведений так или иначе проявляют достаточную чуткость и внимательность к своим подругам. Но «соучастие» — не внешние приличия и добропорядочность, а взаимопроницающее одухотворенное понимание друг друга, умение жить жизнью другого. Об этом надо хорошо помнить, задаваясь вопросом, почему распалась та или иная приятная во всех отношениях пара.

Способность к «соучастию» заложена и в Павле, и в Майе, и в Нине Александровне. Все дело в том, смогут ли взойти и окрепнуть эти ростки, благотатна ли будет для них почва. Ребенок рождается с незамутненным сознанием и чистой душой. Душа ребенка открыта и не защищена, она может принять все: доброе и злое, высокое и низкое. Поэтому способность к «соучастию» зависит прежде всего от воспитания на разных ступенях жизненной лестницы, воспитания не только семейного, но и общественного. И тут, по мнению некоторых писателей, налицо существенные издержки.

«...Я вот одного понять не могу: откуда ты такая вылупилась? Ну, Серафима Иосифовна после гражданской войны бабой сделаться не может, я — с Отеческойной больше мужик, чем баба, а вот ты откуда?» — недоумевает приятельница Нины Александровны Валентина Соснина.

Появление Савицких, как мы уже убедились, объяснить можно. Труднее понять умиление Савицкими, стремление возвести их на пьедестал, использовать в качестве эталона советской женщины: вот, мол, женщина-летчик, женщина-капитан... А этот легендарный капитан, дальнего плавания, избородив все моря планеты, обучив искусству судовождения десятки учеников, откровенно признается, что ей всегда не хватало нормальной налаженной семейной жизни, а горячим девчонкам, грезящим океанами и славой, она советует найти другое занятие, потому что море все-таки для мужчин.

Мы не против женщин-космонавтов, женщин-академиков, вообще женщин-деятельниц. Но мы за деятельницу, которая в любом случае остается женщиной. Чтобы не упрекнули нас в мужском субъективизме, приведем эпизод из повести Е. Коронатовой «Берега, которые уходят».

Двадцать лет верой и правдой служит своей фабрике начальник вязального цеха Мария Гордеевна. Здесь вся ее жизнь. Без родного предприятия она себя не мыслит. И все же, отвечая на вопрос о том, какой ей представляется в будущем родная фабрика, Мария Гордеевна говорит слова, будто бы противоречащие и ее статусу начальника «женского» цеха, и сути всей ее жизнедеятельности: «Я уповаю на технический прогресс. Надеюсь, что работник заменит автоматика, а управлять ею будут мишчины». Непривычным кажется и мотив отказа Марии Гордеевны стать парторгом фабрики: «Я знаю, что значит быть секретарем... Словом, я не могу все силы отдавать фабрике. Понимаю, я должна служить обществу, но

мои дети тоже будущие члены общества, я за них в ответе».

Вот об этом-то, главном своем долге женщины — женщины-матери, современная деятельница, занятая, собой и своими собственными противоречиями, часто забывает. Для той же Нины Александровны сын Борька — далеко не главный объект ее жизненных устремлений. Мы с грустью замечаем, что Сергей Вадимович относится к пасынку с гораздо большим участием, чем родная мать, для которой мнение о ней сына значит куда меньше, чем престиж в «светских» кругах поселка Таежный. На это направлены главные силы Нины Александровны. Если она разговаривает с кем-либо, даже с друзьями и бывшими однокашниками, то не просто беседует, а ведет игру, постоянно оценивая и контролируя себя со стороны.

Самое печальное, что игра эта ни для кого не является тайной, но она как бы узаконена в сознании тех, кто окружает Нину Александровну. Мало того, общество поселка Таежный считает эту игру признаком особого светского шика, утонченной интеллектуальности. Коллеги, приятели, да и не-други действительно видят в Савицкой эталон современной женщины, созданный не без их помощи, но которому по мере возможности они готовы подражать.

И круги недостойного подражания уже расходятся от Нины Александровны. В один прекрасный момент Савицкая с ужасом обнаруживает, что, убегая от мещанства, она снова возвращается к нему. Не к примитивному «вещизму» — нет! К более изощренному, духовному мещанству. Лиля Булгакова, выхолонная даровым благополучием юная мещаночка, делает учительницу своим духовным наставником. Ибо Нина Александровна «в течение четырех лет ежедневно появлялась перед девушкой... сдержанной, затаенной, настроенной, готовой когтями и зубами отстаивать себя от макушки до пяток. Что могла сказать Лиля нового, если четыре года смотрела на преподавателя математики влюбленными глазами, если видела насмешливую улыбку Нины Александровны на диспуте о любви и дружбе; о чем могла говорить Лиля Булгакова, если ее письмо к подруге отдаленно, но все-таки напоминало студенческий дневник Нины Александровны».

А, может быть, все дело в сложности современного бытия, вызванной возросшим темпом жизни, тотальным проникновением научно-технической революции во все сферы человеческого существования? Заманчиво, в какой-то мере убедительно. Тогда отчего это вдруг начинает крепнуть в Нине Александровне стремление к «простому, как мычание», счастью, которое проповедует старая учительница Серафима Иосифовна? Стало быть, права Садовская, утверждая, что «в современном мире человек ищет простоты»?

С точки зрения «простого, как мычание», счастья, героиня рассказа Ю. Нагибина «Чужая» — идеальная жена. Она сама добродетель: щедра, ласкова, хлебосольна. «...Липочку... было трудно не полюбить.

Добрая-предобрая великанша, чрезмерная во всем... всегда веселая и неутомимая, она больше всего любила быть нужной, полезной людям. При Липочке окружающие мгновенно осваивались для «звукосладких и молитв», а все «житейские волнения» она брала на себя».

Это желание быть «полезной людям» выгодно отличает Липочку от той же Майи. Сплошное бескорыстие, никаких вселенских масштабов. А счастья все равно нет. Путятин, ее муж, после многих лет совместной жизни неожиданно бросает Липочку. И, как недвусмысленно заявляет автор, убегает он именно от этой «элементарной, амебной одноклеточной простоты».

Несмотря на разительное, на первый взгляд, несходство Майи, Липочки и Нины Александровны, все трое обладают качеством, которое крепко роднит их, — способностью подавлять личность другого человека, способностью, делающей их несчастливыми. Нина Александровна и Майя подавляют прагматизмом и эгоцентризмом, Липочка — океаном забот, который она обрушивает на каждого, кто попадает в сферу ее влияния. Естественно, что Путятин чуть не живо был погребен Липочкиными заботами и добродетелью. Но ему, как человеку по натуре очень отзывчивому и деятельному, в меньшей степени требовалась самоотдача. И то, что друзьям Путятину Кунгурцевым показалось ошарашивающе-неожиданным (разрыв с Липочкой), рано или поздно должно было случиться. И привлекает Путятину недаром именно Вера Дмитриевна, немного странная, резковатая, угловатая, замкнутая от душевной неустроенности женщина. Рядом с ней впервые за много лет Путятин почувствовал себя не ребенком, лишенным забот и ответственности, как при Липочке, а мужчиной, рыцарем.

«Любить можно лишь ни за что, — говорит автор, — а если за что-то, то это уже другое чувство, тоже по-своему ценное и достойное». Вероятно, вот это «за что-то», прекрасно материализовавшееся в Липочкиной заботливости и домовитости, и удерживало супругов Путятинных много лет под одной крышей. А Веру Дмитриевну Путятин полюбил «ни за что». Она плохая хозяйка — готовить и то толком не умеет, нет в ней и неразборчивой Липочкиной доброты. Зато и от Путятина она требует одного-единственного, чего Липочке и в голову никогда не приходило, — «быть самой собой».

Оставаться самой собой или решительно ломать себя ради восстановления семейного благополучия — такая альтернатива стоит и перед Ниной Александровной. Но трагедия в том, что ей уже не решить однозначно этот вопрос. Ее эмансипированность входит в противоречие со стремлением к простому «бабьему» счастью (конфликт, чем-то напоминающий противоречия между НТР и природой). «Ведь надо было как-то жить дальше, не топчась саму себя, продолжая по-прежнему уважать ту женщину, которая совсем недавно значительно и гордо именовалась Ниной Александров-

ной Савицкой». И вот финал романа, четко вытекающий из логики характера главной героини: «Но могла ли она вообще отказаться от всего того, что называлось Нинкой Савицкой?..»

Обретенная в бою

Не так уж часто искусство балует нас примерами большой любви, еще реже — счастливых семей. Считается само собой разумеющимся, раз все счастливые семьи счастливы одинаково, то и нечего вдаваться в подробности их счастья. Сами понятия «образцовая семья», «примерный семьянин» стали чуть ли не насмешкой. А между тем и счастливые семьи счастливы по-разному. Нашему современнику очень даже необходимо знать, как и почему бывают семьи счастливыми, иметь ориентиры высокого чувства и, основанных на них, семейных отношений.

Повесть С. Есина «В редкие месяцы на берегу» как-то восполняет этот пробел.

Ничего особенного в жизни Ивана Евдокимовича Ворочалкина и его жены Зинаиды Куприяновны не происходило. Что видели эти два немолодых уже человека? Бесконечную работу, рыбные промыслы, штормовые курильские зимы, постоянные разлики и редкие месяцы на берегу. Но ради чего? Ради больших денег, обогащения? Слишком тяжелый это вид обогащения — рыбные промыслы. Не каждый выдержит там краду несколько лет. Да и не думали они о деньгах. Ради детей работали, в счастье которых видели и свое собственное счастье.

Ничего для себя не хотел Иван Евдокимович. «Еле заставила я тебя после санатория новый костюм купить, так в нем единственным тебя и похоронили», — вспоминает Зинаида Куприяновна. А деньги... Не говоря ни слова, выложил Иван Евдокимович три тысячи на кооператив, когда ребром встал вопрос о жилье для сына, хотя немалая эта сумма — результат многомесячной путини.

Не все, конечно, может быть принято в образе Ивана Ворочалкина, но его отношение к жене, к семейным заботам, неистребимое чувство ответственности не могут не вызвать уважения.

Образ Ворочалкина — не только наглядный пример семейного долга и мужской верности, но и того, как надо любить. По сути, вся жизнь Ивана Евдокимовича была борьбой за свою любовь, растянувшийся на десятилетия подвиг во имя любимой. Ведь приняла Зиночка Ивана в тяжелые послевоенные годы из жалости и необходимости. Было двое детей на руках, была нужда, но любви к нему не было. Знал все это Иван Ворочалкин, чувствовал и шаг за шагом, день за днем завоевывал Зиночкину любовь, не оглядываясь, не считая, тратил свою жизнь.

Спасая людей с тонущего корабля, Ворочалкин простудился, заболел туберкуле-

зом. Он боится за свое здоровье, но вот причина этой боязни:

«Я тогда очнулся, думаю, хоть бы не умереть. Как же я, думаю, помру, если Зиночке до пенсии еще полтора года ждать... С миром прощаться готовлюсь, но потом, как задумался, будто у меня кто по сердцу пилой провел, весь заледенел. И тут другая мысль. «Нет,— думаю,— шалишь, Иван Евдокимович, нечего распускаться, ты хоть зубы стисни, но проскрипи полтора года. Зиночке пятьдесят пять исполнится».

Не сразу, не вдруг полюбила Зиночка Ивана. Но она твердо знала, что нужна Ивану, что без нее ему не жить, а она умела ценить чувства другого человека. Да и сама Зинаида Куприяновна чем дальше, тем все больше не могла обходиться без Ивана Евдокимовича. Не просто потому, что человек этот кормил ее детей. Он любил ее, но не мог любить отдельно без всего, что с ней было связано. Поэтому любовь Ивана Евдокимовича распростирается и на не родных ему по крови детей. И любовь эта так же прочна, как и любовь к самой Зинаиде Куприяновне.

А может, потому чаще всего и не складывается счастье, что ОН любит отдельно ЕЕ и не замечает всего того, что ЕЕ окружает, а ОНА, в свою очередь, ничего не желает видеть, кроме НЕГО? Ведь каждый человек несет в себе мир и невозможен вне мира, его окружающего. Сближаясь, надо постичь оба мира, войти в них, заняв свое прочное место.

«Пусть разгорится сердце твое, и тело твое, и душа твоя до меня, и до тела моего, и до виду моего». Не зря взяты В. Тендряковым эти мудрые слова, начертанные на берестяной грамоте пятнадцатого века, в качестве эпиграфа к повести «Затмение». Они должны служить постоянным напоминанием, обретающим себя в любви. И никакие сложности века не в силах подвергнуть ревизии глубокого смысла этой заповеди.

Иван Евдокимович, заметим, живет в одно время с Майей и Павлом, Сергеем Карелиным и Ниной Александровной, среди тех же проклятых сложностей. Однако любовь его оставляет непрпадающий след.

Вместе с С. Есиным остается только сожалеть, что здание этой любви достроилось после смерти Ворочалкина, и задать вопрос: не слишком ли часто, жертвуя всем ради детей, люди забывают о себе?

«А ведь мы все с тобой откладывали: потом, потом! Все надо для семьи, для детей. А, может быть, за всем этим мы забыли, что и сами обязаны быть счастливыми», — говорит Зинаида Куприяновна, и она права. В конце концов обязанность «быть счастливыми» возникает не только потому, что это красит и делает приятной жизнь супругов, но еще и потому, что умение родителей быть счастливыми учит счастью и их детей.

Что же касается сложностей нашей жизни... тут можно полностью согласиться с В. Липатовым: «Значит, беда была не в

сложности космического века, в самой Нине Александровне,— она и только она вызывала на себя сложности».

И уж, конечно, не сложности века «виноваты» в обмелении чувств. Ссылка на них — лишь удобный повод оправдать собственную распущенность и безответственность, неумение, да часто и нежелание приложить к интимным отношениям волю и терпение (а искусство любви, как и всякое искусство, предполагает обязательное соблюдение этих условий). «Вина» века только, может быть, в том, что нравственность и мораль наши оказались не готовыми к столь стремительному натиску НТР и до сих пор еще живут старыми представлениями об этическом и психологическом облике человека, тогда как необходимо на основе лучших

традиций, накопленных историей развития человеческих отношений, создавать качественно новые. И чем дольше мы с этим медлим, тем быстрее и активнее начинает действовать мещанство, невытравленные остатки которого таятся до поры в самых укромных уголках человеческой души, ибо безмерное развитие в человеке рационализма и прагматизма в отрыве от духовности, гуманизации приводит к разрушению личности. И поскольку общественные отношения так или иначе идут от взаимоотношений мужчины и женщины, такая ущербная личность, в силу начавшейся деградации, уже не способна создать прочные семейные связи. А ведь от прочности «ячейки общества», в конечном счете, зависит прочность всего общества.

